

VASILJEVA, Ljudmila
Russia Documentation Project
Russian
RG-50.653*0003

Файл 1 из 1

В данном интервью Людмила Григорьевна Васильева, рожденная в Белорусской деревне, недалеко от Бобруйска, в 1931 году, рассказывает о тех событиях времен Второй Мировой Войны, свидетельницей которых она стала. Людмила ребёнком была увезена в Германию и несколько лет провела в детских трудовых лагерях, включая Майданек. Она рассказывает о своей жизни в лагерях, а также о белорусском партизанском движении. Людмила и её сестра также видели свежие могилы, куда после массового расстрела были захоронены евреи, и где земля ещё «дышала».

00:00:42 – 01:02:22

00:00:42 – 00:03:45

Q: Добрый день.

A: Добрый.

Q: В первую очередь позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы встретились с нами и разрешили записать это интервью. Спасибо вам большое.

A: Я тоже очень довольна, рада, что мы с вами уже второй раз встретились. Очень хорошо.

Q: Назовите, пожалуйста, своё имя, фамилию и дату рождения.

A: Ну, родилась я 20 декабря 1931 года.

Q: А зовут вас?

A: Зовут меня Людмила Григорьевна Васильева.

Q: Где вы родились?

A: Родилась я в Белоруссии. До 10 лет жила там, пока не забрали меня ну, в концлагерь. Это был партизанский край и леса, ну и в основном все, кто был не в армии уже по возрасту – ну, так сказать, первый год ещё они *[партизаны]* не

сопротивлялись, потому что немцы тоже – мы – сторона наша была – деревня наша была в лесу, дальше туда не заглядывали. В основном, по большим районам они [немцы] жили. А потом, когда стали они собирать у нас – урожай собирали, все продукты, ну и партизаны стали им надоедать. Ну вот, тогда они, значит, облавой окружили и половина – детей в одну сторону со стариками, с женщинами, мужчины в другую сторону. Потом уже нас угнали в лагерь – с этой деревни нас угнали в другую деревню, которая поближе, где лесов нет.

Q: А когда это было?

A: А это было уже – это начало [19]43 года. В [19]42, в конце [19]42 нас угнали в деревню в Белоруссии там – там такие хатки – ну, в общем, там 60 человек в одной небольшой хатке жили. В одной, в другой, и всё это за колючей проволокой. Потом там тиф начался сыпной, ну, дизентерия. Болели, продуктов не было, где на полях ходили, собирали, то и ели. А потом, уже [19]43 год, нас всех собрали, больных уже там оставили – как они там остались, не знаю, но нас отправили в другой лагерь – детей отдельно, стариков отдельно, женщин – в основном мы были женщины и дети. Ну вот там несколько пробыли – не помню, потому что я там болела тифом. А потом, когда поправилась, нас всех собрали и такая возвышенная была местность, нас туда подвезли – подвели к машине – машина была большая – и это дезинфекцию нам делали там.

00:03:46 – 00:06:43

Потом, ну как сказать, вещи у нас все сняли, одежду сказали снять – ну в основном говорили на русском языке полицаи, полицаи. Немцы только стояли и командовали, как. А полицаи разговаривали с нами: «Снять одежду всю», – выбросили всё в печку – в эту, в машину, дезинфекция, а мы голые, раздетые стояли. Потом вытащили эту одежду всю, и мы собирали. Ну, экзекуции всякие были – то пинком нас тут – голые люди, ха-ха, хи-хи, фотографировали нас – издевались просто. Ну а потом мы оделись в кое-что, кое-как кто, и нас отвезли в другую деревню, за проволоку. Там мы несколько – ну, может быть, с неделю были там, вот. Нас заставляли там ходить солому эту грязную убирать и сжигать, где мы – кто-то спал до нас там. Новую туда загрузили солому. Мы несколько – подвозили машины из других деревень ещё [людей]. Потом уже кто-то там общался, говорили, что нашу деревню сожгли. Стариков всех тех, которые оставили старики – моего отца – сожгли. Прямо бревном подпёрли сарай, и всех сожгли. Мать тут умерла, вот. Похоронили её там кое-как, кто смог работать. Ну а нас отправили там, где станция железнодорожная; потом нас машина – не машина, мы пешком, ну, по лестницам таким – настил такой был, мы забирались в эти вагоны. Вагоны, как раньше говорили, «телячье» – кругом закрыто, только одно маленькое окошечко вверху, и перемотаное проволокой колючей. Ну вот, у меня – я после тифа, значит, у меня вообще волос не было – голая была. Вот, и ещё одна тётя там, Мария, вот, она с племянницей была, вот они меня то подкармливали, то их всё дразнили «лысая, лысая, лысая». Вот, ну ехали мы не знаю сколько – долго. Там только воды – на остановках воды давали – ведро приносили, ну и кто-то там в эту

парашу сходит, постарше кого-нибудь заставляли выносить. И всё. Потом опять в вагоны и дальше везли. Ну а потом уже привезли нас – до одной из станций мы долго ехали, голодные, места было мало в этом вагоне – кто сидя, а если заболел, уже лёжа – места нету. Ну которые умирали, то на остановках останавливались и выбрасывали их. А что уже там – полицейские [выбрасывали].

00:06:44 – 00:09:56

Ну вот, привезли нас в один – на одной станции, и я что запомнила, что знакомое название деревни. Я думала это под Ленинградом. А у нас родственники в Ленинграде были, и бабушка уехала туда к своим сыновьям. Это мои дяди-тёти. И она всё говорила: «Вот я в Любань поеду, в Любань поеду». Вот, ну «Любань, Любань», это Ленинградской области. И мы слышим, когда уже нас вывели на платформу, то мы слышим, разговаривает полицейский, «Любань, Любань». А это был Люблин. Ну вот, потом нас выстроили, и мы куда-то по полю шли долго. Ну потом бараки там. Ну в бараках поселили. А это был уже, как сейчас мы знаем, что это Майданек. Ну вот [*Плачет, вытирает глаза платком*], и там – сколько там пробыли – не помню. Это уже [19]43 – [19]44 год уже начался, видимо, то, что зима была. Ну вот. Ну, там – сначала у нас там анализы брали – ну как сейчас мы понимаем, что анализы. Надо было – давали каждому бумажку, надо было кал сдать анализ и брали кровь – с мочки уха брали кровь. И когда прверили это и тогда, значит, нас выстроили и на руке, на обратной стороне ладошки, написали этот номер. У меня первая группа, и крестик внутри. [*Плачет*] Работать тоже – и на работу водили нас – на работу в большие такие, как сейчас мы называем «ангары» – такие большие сараи, вот, без крыши – без потолка, крыша только. И там высокие – мы что, были маленькие, так нам казалось это высокие – большие, до самого – крыши до самой были горы такие обуви. В одном месте были – мы думаем, что это такое, солома не солома, сено не сено – это волосы. Это обстригали волосы у всех. Вот, ну а у кого – у меня волос не было, а вот соседка девочка, у неё были волосы – то давали такие гребешки, тоненькие – зубчики были тоненькие, как игла вот швейная – тоненькие. Вычесывали эти, яички вшей – гниды назывались, вот вычёсывали, чистили эти волосы.

00:09:57 – 00:13:02

Потом ходили проверяли нас эти, блоковые, а потом обстригали. Но у меня волос не было – потом волосы росли. Ну вот, работали мы на этих – там кружки, я помню, кружки связывали – верёвочки давали такие, шнурки от ботиночек – ботиночек с ботиночком – искали такие подходящие; ручки, ложки, вот, связывали что. Ну, там были ведёрки такие – ну а старше полячек, или каких-то ещё там других – ну вроде в хорошей одежде не в такой, в лагерной – их забирали, если что-то брошки красивые, колечки. Это же дети, они же знаете, особенно мальчишки – они же как шпионы. Они везде найдут, где-то показывают свисточки, губные гармошки. Но уносить нельзя в палату, или в эту, в барак нельзя носить. Одна вот моя знакомая – ну, там рядом коечки были – тоже она кровь ходила сдавала – то она принесла куколку. А у неё была самая нижняя полочка, и она под

нары под эти подлезла и там с куколкой играла. Ну тоже её ругали и били. А меня тоже, но только меня за ботиночки. Ну, мы жили в деревне и у нас четыре человека была семья детей. Старший брат у нас в армии был, под Выборгом воевал, защищал Ленинград. Потом он был инвалид, отправили на большую землю в Иркутск. Потом уже я к нему поехала жить. Ну как жить, неделю пожила – да и надо работать. Так вот, значит, я младшая – значит, все обноски носила старших: от сестры оставались, она росла, и я носила. Но в основном мы лето в деревне все босиком бегали. Поэтому для меня эти ботиночки – это была радость: красненькие, хорошие и белая подошва такая. Все говорили, что это резиновые. Но мы же вообще мало знали такую обувь. Ну и я тут же стала примерять. А подбежала ко мне, я как сейчас помню, у неё волосы хорошие, но она на голове не так, как булечку вот мы сейчас делаем сзади, или косичку, а она улиточкой такой, и мы смеялись еще: «О, как улитку на голове носит». И вот она, эта наша надзирательница – запомнилось, что она кричит: «Юда, юда! Брось! Юда!» Это еврейских детей обувь. Значит, вся обувь была эта еврейская хорошая, красивая обувь была. Ну, потому что ведь и нас тоже, когда отправляли, [говорили]: «Забирайте свои самые лучшие вещи». И все забирали.

00:13:03 – 00:16:16

А какая была вещь самая дорогая в деревне? Посуда. Забирали посуду, какая у кого была. Деревянную же не заберёшь и ложки деревянные; брали что подороже для нас было. Ну и также ж и еврейские семьи забирали. Ну нам что кому досталось из одежды – одевали не те полосатые, это уже потом полосатые давали, как политический, а так всем какую одежду привезли – какую-то там – кто умер, значит, с него сняли, или другому отдали. Ну вот так. Прожила я там, в Майданеке не помню уже, не знаю сколько. Что нас прививали потом. Сначала у нас брали кровь – это что само собой, потом прививали болезни – ещё прививали мне тоже это, тиф. Будет он возвратный, или не будет, будет иммунитет, или не будет – это мы сейчас уже знаем, что так наши врачи уже говорили. Так вот, еще прививали тиф, потом мне прививали под лопатку и в вену вводили какой-то укол, что я потом болела желтухой. Это сейчас называется гепатит, вот. Ну, в общем, что ещё. Какие болезни прививали: оспу, ну и не знаю какие – в общем, дети болели. После этого, кто вылечился, кто поправился, того отправляли куда-то там дальше. А фронт, видимо, подвигался, потому что ночью подошли ко мне две женщины и стали меня будить. Одна, старшая вот эта, руководительница, она с этого была, она была с Поволжья немка, а другая с Украины. Они балакали-то по-украински – понятно же – и по-немецки. Сказали: «Тихонько одевайтесь». Все ещё спали; к одной кровати, к другой подходили. Это потом мы узнали, что только выбирали одних белорусов. Всех белорусов собирали – это старший приехал – там были же эти, ну, фашистских направлений были, но были национальность белорусы. Вот они – из западной Белоруссии – отбирали нас. «Собирайтесь, собирайтесь! Быстрей! Тихо, тихо». И нас уже везли в хороших вагонах, не в телячьих. А куда – мы же не знали, куда. Вот провезли нас по Германии и привезли нас под утро – город Дессау, на Эльбе, вот. И там мы сначала нормально всё – ну как, сколько-то там дней, два-три. А потом нас повели на работу. Одних отправляли – там в лесу

этот лагерь был – чистили лес, сучья собирали. А осенью собирали вот эти дички-груши, сдавали хозяину.

00:16:17 – 00:19:48

А потом нас водили на завод. Это завод военный, «Юнкерс», самолётостроение. Ну, там, значит, был такой мастер, он нас обучал. Старый уже мастер. Давали нам такие пластинки дюралевые, алюминиевые, рашпили, напильники. Мальчишек ставили на станки эти, штамповочные: вот он нажимает на кнопку, или на педаль, там, смотря какой станок, и дырочки делает, или сгинает. А рашпилем нужно было уголки заточить, чтоб было уголком. Ну, разные работы: кто стружки собирал, убирали в ящики. Ну вот, такая работа была. А потом, сколько-то мы были, нас стали уже проверять тоже медики, и мы уже сдавали кровь. Уже проверяли нас болезни какие, брали кровь – сдавали. А кому мы сдавали это мы не знаем, потому что нас выстроили всех, и такая ширма стояла с дырочкой, и мы туда руку просовывали, у нас брали кровь. А куда это шло, и проверяли какой, куда и что – в общем, не известно. Ну, говорили, что нам прямо давали мы солдатам, а каким солдатам – не знаю. Ну вот, потом фронт, видимо, подвигался, скорее всего, бомбёжки были. Бомбили – у меня тоже левая нога у меня – вот сейчас она, конечно, после инсульта, но всё равно – левая нога была раненая и выбита челюсть вот эта [*Показывает на правую сторону лица*], да, и у меня здесь – и заключение у меня есть врачей – челюсть у меня, вот сейчас если пощупать, здесь у меня шишка, а здесь нету. Вот эта сторона у меня и тугоухость на это ухо. И выбиты два зуба – вот внизу два зуба были выбиты у меня. И я только в [19]48 году, уже работая в Сибири в детском доме, – я уже была воспитательницей там, вот, то – это уже было 19 лет мне, вот, и меня уже заставили – а это был детский дом в лесу, 6 километров от станции. И я туда ходила в вечернюю школу. А дети меня – воспитательница в детдоме – а там были дети полицаев с [*Припоминает*] карело-финская это – карелы... как же его, Петрозаводска, два брата. Отец у него был полицай, и они сидели в тюрьме. А дети были тогда только в основном у которых родителей нет. И вот они меня прозвали «талала беззубая». Ну и драка, конечно, была за эту «талалу». И только я уже потом, через год ходила в школу, и мне там поставили вот эти коронки, внизу две. Вот сейчас там пластмассовые сейчас стоят внизу. Ну, а...

00:19:49 – 00:22:49

Q: А где вас ранило? От чего нога болит?

A: А это же ранило – бомбили наши, или английские самолёты бомбили Дессау, завод этот «Юнкерс», ну а мы разбирали как раз – нас туда гоняли, знаете, куда – хозяева – если бомбили у хозяев, ну, хозяин просил, чтоб сколько-то дали кирпичи складывать. Кирпичи, или находить их вещи, какие там остались – пожара если нет, просто разбомбили, а пожара нет. Вот, и меня, это, ногу мне прибило – кирпич упал с этого, со стены, мне по левой ноге, и вот кость берцовую – у меня

поднадкостница она у меня всё время была больная, вот. И, ну и вот такая болезнь. И тут ударило – был удар на ухо, челюсть выбита, и ну...

Q: А как это, кто-то, или где-то?

A: Нет, это какой самолёт неизвестно, или – какие-то самолёты бомбили этот лагерь, где мы были. Ну там в основном завод бомбили. А второй раз бомбили, мы бежали – это когда мы разбирали кирпичи у одной немки. Нас туда направляли, вот. Ну, кто тогда говорил, что ты больной, или там нужно было ж не – девушка тем более, что ты скажешь, что ты больная? Кто на тебя будет смотреть? Вот так. А потом, фронт, видимо, подвигался, нам сказали собираться, будем мы выходить. И вот руководительница у нас такие – колясочку такую подвезла; нам было это в новость, что на четырёх колёсиках, как обычная телега – такие маленькие коляски. А у неё там полная накрытая была – вещи какие-то свои, и ей нужно было везти их. И вот мы по очереди, более двухсот человек, мы по очереди везли эти тележки. Такие были три тележки. Одна [руководительница] из Поволжья, она с нами не ехала обратно. Фрида осталась, а вот какая-то другая, Ирма, по-моему, так, Ирма шла, и шла – нам другую поставили, Нюру. Но Нюра была в положении, и она была с матерью, с бабушкой. Её привёз – ребята, мальчишки сказали, что у неё муж немец, вот, с погонами. Он её привёз и сказал, что здесь. И когда мы пешком – жили мы уже не в бараках, в Дессау уже нас – оттуда мы шли пешком, и они присоединились к нам.

00:22:50 – 00:25:53

Её на машине подвёз этот офицер, а мы тянули эти коляски сами. А потом, вот, пришли мы в один город, и на пустой завод – совершенно там станки были вывезены все. А там когда-то был завод. Мы просто были – укрывались одно одеяло вот это что было такое старое, серое, где мы спали, на этой соло... – стружки такие – не соломе, с стружке – на стружках в бараках, то нам разрешали только взять с собой это одеяло. Это у нас был тёплый – тёплая вещь. И мы, вот это, укрывались и на этом цементном полу спали. Ну, а утром **фюнфур**, и мы поднимались. Надо протереть глаза водой и собирались идти. Нас устроили на работу в этом городе – Эберсбах (Ebersbach) город. В этом городе надо было – так сказала эта руководительница – что нам надо отплатить за свою еду и за то, что нам дали ночлег. Ну, кто брюкву эту, турнепс, чистил, а кто буряки, а кто картошку, а кто подметал полы, а кто-то ходил кирпичи убирал – хоть кто. Но мы работали, заставляли нас работать – отработать то, что мы имели. Ну вот это был Эберсбах. А когда мы шли пешком, а это было за городом, вот, надо... – домой шли – если мы шли на завод, то мы шли – а нам уже дали кому обувь какую деревянную, а кому какая обувь подошла – то мы шли и стучали по мостовой, то обыватели все были против и пожаловались на нас. В окошко смотрели. А там такие были домики – двухэтажные; видимо, не один человек это занимал, а, видимо, несколько человек там жили. С одного окошка выглядывали люди. Мы работали – меня направляли – ткацкая фабрика была. Там мы смотрели нитки были, вот, в общем, короче, видимо, это была ткацкая, или вязальная там, что некоторые нам – перчатки мне

бросила женщина одна со второго этажа. Пальчики были заштопанные. А второй там что-то ещё, вот. Немцы бросали. Ну вот, несколько мы там времени пробыли, потом нас дальше отправили. Я только знаю, что мы переходили речку, сказали, что это приток какой-то другой реки – Вера называлась, по-русски, Вера. Вот такую речку переходили, ну и пришли мы уже в город Криммичау (Crimmitschau). Цвиккау (Zwickau) проходили еще, потом Криммичау.

00:25:54 – 00:29:00

Вот, в Криммичау нас поселили как раз тоже юнкерская фирма, потому что это ремонтный завод самолётов – ремонтный завод самолётов «Юнкерс». Нас опять с того, в Дессау, сюда отправили. Ну, здесь сколько-то мы пробыли, ходили то работали, то тоже хозяин приглашал нас – мы ходили собирали такие большие гурты свёклы – буряки; ну и кто-то там украдет этот буряк, что-то запрячет. Мыли, и такие стояли печки на весь этот – тоже на весь барак; и мы вот эти почистим, потом ножки там тоже ребята где-то достали – порежем и к печке прикладывали, пекли этот буряк. Кто-то поест. Ну, потом [через] несколько времени нас оттуда хотели ещё в какой-то город отправить, потому что уже самолёты летали, бомбили кругом. Ну, мальчишки говорят: «Нас во Францию заберут». А Криммичау был на границе с Чехословакией, понимаете. Даже ребята такие пронырливые, они узнали – кто-то им сказал, что даже один дом стоит половина в Чехии, половина в Германии – ну знаете ж, надо ж козырнуть, что ребята всё знают. Ну нас оттуда – где-то мы – везли, везли нас где-то, ещё в какой-то, по-моему, Карлсруэ (Karlsruhe). Потом оттуда – там, может быть, с месяц мы побыли, и нас оттуда опять отправили в Криммичау. Ну, поселили уже не в барак, не на завод, а поселили – спортивный какой-то – спортивный дом. Или спортивный, или театральный, потому что такая была вроде сцены, и были такие кольца эти спортивные, «козлы» вот эти, которые ребята прыгать. «Козлы, козлы» [ребята всё повторяли]. Ну, там стояли вот эти самые тоже стеллажи – не стеллажи, а эти, нары тоже. Вот там мы уже остановились. Но однажды, однажды мы как-то – вот у нас была, поваром работала, когда нам давали кушать – Эльза, чешка, и рядом был лагерь французов, вот. А там приезжал Красный крест к ним, но за проволоку никому ж не давали, только если кто-то проходил там, то могли печенье бросить. Им посылки приезжали с Красного креста, и давали им. А потом пришла какая-то одна руководительница и кричала: «Идите туда, к Французам, кушать. Там никого нет, французы уехали домой». А французов увезли куда-то, их там нету.

00:29:01 – 00:32:01

И наши многие побежали, а эта Эльза кричала, что нельзя туда идти, нельзя. Там нельзя это кушать, нельзя. Она, видимо, знала, что нельзя. А наши некоторые пошли туда, вот, хоть она их и не пускала, но они пошли. Ворота открытые, они побежали, никаких руководителей у нас уже мы не видели, только эта Эльза, которая чешка, и ещё одна была немка. Ни этой Нюры нету, ни этой Ирмы нету, только какая-то ещё одна была. Она сказала, что – а те отравились и попадали. В общем, ну как мы отравились, мы же не шли, не знали, куда идти, чего, а эти

большие ребята, которые постарше, знали. И тут появилась Зоя, медсестра. Она военнопленная, и они с другого лагеря сюда пришли в детский лагерь этот, чтобы навести тут порядок. Ну и вот, и она сказала, там отравили маисовый суп, или кашу как-то там. А мы, для нас, дикарей, мы ничего не знали, что такое «маис». Мы не знали, что это кукуруза, или это рис. Маис, маис, а что за маис. Все говорили, что – ели, потом нас кормили, когда это уже освободили, то это такой, как будто мы рисовую кашу варим с молоком жиденькую, вот такой был суп. Он как кисель такой. Ну вот. А потом, через некоторое время – мы же вот так бегаем, не знаем, кто и что, и она сказала, Зоя, что не выходите никуда, сидите в лагере. И вдруг подошла машина такая вот с жёлтыми пятнами, и вышел негр. А мы же не знали, что это такое [*Смеётся*] – кто это такой. Вот негр, потом вышел белый человек – это американцы. И вот они стали объяснять, а ребята тут же как тут – подпрыгивали и к нему, спрашивали, расспрашивали. А потом, через некоторое время, появился бывший военнопленный, но только мужчина. Всех собрал и сказал: «Уже всё, ещё война идет, но мы вас освободили, уже тут немцев нет». Ну, пустые кругом магазины были, ребятки бегали. Нас собрали, потом ещё какие-то подошли русские взрослые, вот, и, ну, медики посмотрели нас всех. Перевели нас туда, в бараки – не в бараки, а в дома, где жили юнген – Гитлер юнген. Ну, там такие были матрасы хорошие, покрывала, пододеяльнички клеточками такими, в синюю клеточку. Для нас это казалось дико. Вот, ну, пожилы мы, лечили нас, кормили нас, проверяли.

00:32:02 – 00:35:14

А потом приехали ещё какие, уже с погонами, наши – мы ж не знали, что погоны есть у Советской армии. Ну вот, приехали к нам, посмотрели, полечили, дали нам хорошую – кому одежду, кому обувь, кому что. Ну и вот, машины там, загрузили на машины нас и повезли. Везли долго, а потом к поезду нужно нас поселить. Я помню, что мы через речку какую-то, большую речку переходили. Видимо, это Одра, скорее всего, вот которая уже с Советским Союзом граничила, Польша. Не знаю, через какую-то речку, но только переходили мост такой, который лежал прямо чуть не на воде, и по два по три человека за ручки брались и шли. Ну вот, а на берегу – это нас, детей, всех собрали, но к нам прицеплялись воспитатели многие – но нас многим не давали, давали только тем, кто был военнопленные. Ну, я впервые видела – у нас вши были в деревне, которые нас в лагере мы держали, Белоруссии, тоже вши были. Мы знали, что это такое, что рубашку снимешь на огонь так вот, и эти вши трещат, щёлкают. А это было просто, вы знаете, женщина разговаривала с нами – страшное, на ней вот ползали как вот черви, как песок. Вот на берегу этой речки – а мы же там долго сидели, пока попереводят, переписывали их, каждый с одной машины на другую, переписывали наши старшие, эти, военнопленные – и у неё тело было всё, вот эта рубашка – всё было вот так вот, копошилось, как песок белый. Это так её вши. Говорит: «А мы уже тут две недели сидим, и ни кушать, ничего. Потому что вас-то ведут военнопленные, детей», – а их же ж каждого проверяли, через речку. Они все шли пешком, где как. Ну, до речки дошли, тут надо только через мост один переходить, а тут фильтрация. И вот она – а вторая говорит: «Да какой две недели, мы тут уже больше сидим!» Вот, это

освободили нас в апреле, а война же ещё – меня 15 апреля освободили. Так вот, 15 апреля ещё победы-то не было, это в мае, 9-ого только, вот. Вы представляете, эти люди сидели там, ни кушать, ничего нет. Где кто что мог, и речка, и хочется домой. Ну вот, а потом нас привезли, через этот мост перевели всех, потом объявили, какие города: Орёл, Орёл в другую становился, Смоленск – в другую сторону, Белоруссия в другую сторону. И нас так по вагонам разослали. И поехали потом мы домой. Ну, в Белоруссию в Бобруйск привезли. И эта Зоя как раз с нами, потому что она сама из Бобруйска.

00:35:15 – 00:39:18

Ну нас в детдом; сначала в приёмник, потом спрашивали – мы сначала жили же, запрашивали, где жили. Ну, деревню сожгли нашу. Куда пойдёшь? Сестра замужем старшая, но я не знала, как, откуда, жива она, или нет. Муж её воевал под Кёнигсбергом, без ноги пришёл. А где она живёт? Она жила уже в другой деревне. Искали – нет, так мы и сидели. А которые со мной вместе – вот меня подкармливали, то её же – меня отправили в Дессау, а её в Освенцим с этой, потому что – в Освенцим – её мать сама была связной у партизан и она в окошко в Борисове убежала, в окошко. А её Оля, её приятельница, вместе с ней они связные были, подпольщики – то Оля оставили её в тюрьме, она ж не убежала. Она сказала: «Береги мою дочку Ларису». И Лариса – это моя племянница, вот. Ну и в общем, короче говоря, – а Оля-то она ж уже как партизанка, как подпольщица, и она связной – не связной, а этой, телефонисткой была. И их отправили в этот – Ларису с Олей – это мама Оля у неё вторая была. Потом она маму нашла всё же. Мама приехала сюда, к своей сестре в Курганинск в Краснодаре, и Лариса тоже сюда приехала с Олей, вот. Ну, когда – Лариса рассказывала, что когда она – а у неё номер на руке, в Освенциме только давали номера на руке, вот. И когда Лариса пришла в школу, вот, все дети смеялись там: «Что это такое? Ты что, в тюрьме была?» – на руке. А Лариса заплакала. Учительница сказала: «Не плакать надо, и не смеяться, и не объяснять, что ты где-то была, и что мама была партизанка. Ты тюремщица, и таких гнать нужно из школы!» Представляете? Это Данильченко. Теперь эта Данильченко Лариса, это моя же солагерница, она уехала в свою родную Белорусь, только в город Осиповичи. Осиповичи, и она – а дочка её в Минске, ну и они там близко – на родину. Ну вот, а вторая была тоже со мной, [она была] с Могилёва с самого, вот. Ну, теперь – а мама её так с деревни Буйничи. Буйничи – если вы, конечно, смотрели кинофильм «Живые и мёртвые» Симонова – так вот как раз это поле Буйническое. Вот мы говорим поле Куликово освобождал это, от нашествия этих – ну, как сказать то – Куликовская битва была, потом была Полтавская битва, Бородинское сражение – поля тоже. А это было в Белоруссии, Буйническое поле, которое только в [19]41 году два месяца держали – немцы не могли взять Могилёв. Буйническое поле. И Симонов сказал – это он описывал: «Когда я умру, мой прах развеите над Буйническим полем». Вот это, в Буйничах её мама была, вот. Ну, это Мария Васильевна. А её дочка, Аля, Алла Васильевна, она живёт в Могилёве. Это они меня с мамой подкармливали.

00:39:19 – 00:42:16

Q: Где это было?

A: В Могилёве, в Белоруссии.

Q: А можно мы вернёмся назад, к Белоруссии?

A: Да.

Q: Вы рассказывали нам, что вы были в двух разных лагерях там.

A: Ну там небольшие лагеря были. Которые тиф, так нас закрыли там под колючей проволокой – умирайте как хотите. Но вот выжили кое-кто. Там была у меня знакомая тоже, у неё брат был партизан, Люда Демешко, вот. Но её потом в другой лагерь отправили. Меня отправили в один, а нас потом на завод отправили, а её в другой. Но у неё только мама умерла, а отец остался жив. Она так вернулась в деревню к себе. А где она потом, я не знаю. А в основном, конечно, вот которые меня подкармливали, вот эта Кругликова – ну она – мама Мария Васильевна и дочка Алла Васильевна.

Q: Где вы с ними встретились, в каком лагере?

A: Это? В Майданеке. Только её с Майданека – Кругликову – в Освенцим, и Данильченко в Освенцим, а меня на завод. Мне уже было 12 лет, уже работать можно было. На завод, на этот, «Юнкерс». Вот.

Q: Можете вспомнить, как назывались эти деревни, где были лагеря в Белоруссии? Вот первая деревня как называлась? Или это название лагеря было, или только деревня?

A: Нет, это просто была такая деревня уже на окраине леса. Это там жили староверы. Они – у них такая вера была – не православная, и не знаю – староверы. Они крестились как и мы, конечно, – староверы. Я не знаю, вот какая. Знаю, что Капустино такая деревня была, нас туда гнали, но только там церковь была, и в эту церковь нас загнали, мы только одну ночь там ночевали. А потом в лагерь Дворониновичи – это 4 километра от железной – от шоссеиной дороги. Потом мы пешком туда шли, а потом машины – подогнали нас и посадили в машины. Ну так машины: полицаи два сидят в машине и этот – полицаи и немец. Это в каждую машину. Ну, ребята там – где они бумаги достали? – записали, что «нас везут в Германию». Уже ж знали – мы же неделю жили в этом лагере, солому меняли, сжигали, новую застилали. Новых *[людей]* привозили. Бегали на поле, чтоб что-то найти покушать.

Q: А почему вас забрали?

00:42:17 – 00:45:20

А: А потому, что у нас партизанский край был. И потом, нас забрали потому, что, сначала приехали они с больших где там селений, где у них части немецкие стояли, а тут только один полицейский – и всё, в деревне. То мы должны дать – урожай собрать. А собирали урожай как: осенью собирать, весной сажали кто как мог, а осенью собирать, а сил-то нету и молотить и прочее, и потом, партизаны обстреливали, и немцы, чтобы не терять своих людей – там убивали их – они тогда – партизаны минировали дорогу – шлях, так назывался – это основная была дорога – минировали. Тогда, когда взрывалась машина, немцы что придумали: партизанские семьи – а полицай указывал, чьи дети остались живы, или чьи семьи остались – партизанские семьи. Они в бороны – такая борона, которая рыхлит землю, – и вот они в бороны впрягли людей – немцы – и они боронили вот этот шлях. И взрывались люди. И когда уже партизанские семьи взрываются – дети – у меня двоюродный брат Гриша так погиб – тогда они уже, значит, начали по-другому. Они тогда блокады делали, и за 12 километров они миномётный обстрел делали – сюда, партизанские дороги. А мы тогда все в лес уходили. И вот вы знаете, как интересно было, ну как, лето, мы картошку варили в таких, в чугунках – треножка, на трёх ножках такое приспособление – ставили и на улице огонь разжигали и варили картошку. И тут самолёт – рама такая пустая – она обследовала, где какие есть скопления людей, партизан, или где-то дым горит, значит это партизанские отряды там себе готовят. И стали обстреливать нашу эту деревню. И все быстрее, быстрее собирались. И мы чугунок этот воду слили горячую, завернули в тряпицу, и вот как корзинку несли. Когда мы пришли уже туда – это был первый лагерь, как нам объяснил отец, это первый лагерь, это гражданский, гражданских народ – уходит от боевых действий просто, он никому вреда не приносит. Второй это был партизанский уже, но это был такой общий лагерь, а штаб у них секретный был еще один. Тот уже никто не знал. Но мы пришли в первый сюда, и тут с этих лапок, этих, елей крыши поделаны там такие, чтобы как-то не видно было.

00:45:21 – 00:48:18

Ну, вроде под деревьями развели костёр, чтобы сварить картошку. Когда мы открыли, а картошка-то уже сварилась, она в горячей этой, ну как сказать, дошла, допрела, вот. Ну вот, там мы несколько были, а потом всё же, видимо, команда старше шла запасать продукты. Запасали носили что кто-то сможет; у них там специально были приготовленные ямы, кругом обложены были берёстой – там же ни плёнок, ничего ж раньше не было. Ну, где-то хранили. И так мы носили: кто принесёт для лагеря. Ну а партизаны, видимо, знали дело: убивали – облаву делали на деревню, а партизаны на немцев. Ну и после этого боя нас – после того, как самолёт пролетал – нас потом почти чуть не в болото загнали. Отступали, отступали, и потом уже пошли румыны. Шли румыны-каратели и полицай; кричали, орали, чтобы мы вернулись, и никто нас не тронет, и чего только... «Мы партизан, вот кто партизан – пусть сдаётся, а мы вас не тронем». Ну и всё же уже шло-то холодная вода – это ж Белоруссия, болота; ну и вернулись все домой. И

вернулись, а мы даже и не видели, встали утром, а немцы кругом окружили, приехали, всех забрали и выгнали с этой деревни, никто там не остался. Деревню сожгли, а нас угнали в другую – там, где уже больше немцев. Мы там в сарае в каком-то перебыли, а потом вот отправили нас в эту староверческую деревню. А там тиф. Загнали просто, закрыли проволокой и никого не выпускали – тиф, тиф, всё. А потом вот нас помыли, почистили и отправили дальше.

Q: А кто жил в вашей деревне, какие национальности?

A: А у нас раньше разных национальностей были. Цыгане так это только они там где-то к речке далеко жили. А у нас какие национальности [*Задумывается*] – в основном, русские, белорусы и были евреи, семья была. Я знаю, что к нему – портной он – ходили к нему шить – еврей. И ещё какая-то была, по-моему... [*Припоминает*] а, чехи были. Чех с той войны остался; он портной тоже был. Но он немножко глуховат был. Вот этот чех. А он женился на женщине, на тётке вот этой Люды Демешко.

00:48:19 – 00:51:56

И была семья – она не семья – сначала она у нас столовалась, ну как сказать, только кушала, а жила она в этой – нет, она у нас и жила несколько времени. Была у нас школа, но там мало места было, и бабушкину хату сдавали под один класс. И была у нас еврейка, Софья Львовна, учительница была, вот этих самых маленьких учила. Вот. А потом – а почему бабушка – бабушка ушла, она, дедушка когда умер, а тётя Матрёна, тётя Саша, тётя Мария и дядя Лёня – все же они были этими, папиными братьями – они в Ленинград уехали, и бабушка к ним. А хату эту она сдавала вроде как в аренду – там ей что-то дали, вот. И эта учительница потом, еврейка, Софья Львовна – мы Софья Львовна, Софья Львовна, а как фамилия мы не знали.

Q: А какова её судьба?

A: А вот, и она там немного жила. И к ней приезжала на лето несколько времени девочка, тоже приезжала. Она говорила, что это её племянница. Мы сидели за последней партой, ещё не учились даже, нас ещё не брали, вот, а потом, а какая судьба... дело в том, что, когда война началась, как-то приехали к нам на телеге – хорошая лошадь – приехала семья какая-то. Вот, приехала семья, ну одна девочка чёрненькая, а другая рыжая, вот, и она – вот такие волосы у неё, и она их всё расчёсывала, расчёсывала, ну, их – всё за ними ухаживала. А мы в деревне _____ а мы разик почесали, да и пошли – какие там, ни расчёсок, ничего ж не знали раньше. Ну, уже постарше когда. Ну вот, а потом отец сказал, что мы едем в Озераны. Ну как, и меня тоже на телегу посадили эту и повезли. Повезли на телеге. А приехали в Озераны, а туда нельзя ехать – сказали, карантин. «Дети, вы тут сидите, а мы сейчас вот с дедушкой уйдём». Вот они ушли, через некоторое время пришёл – а отец когда-то мой там был лесником – лесником когда-то там был. Он знает: ну, немцы пришли, какое там лесничество – надо было здесь в деревне жить, помогать. Ну и вот, он сказал, что «вы сидите». Мы сидели. Потом он пришёл со

стариком и говорит: «Собирайтесь домой». Мы оставили их. Он их повёз туда, в лесничество, а мы с отцом поехали домой. Но потом, я потом уже знаю, что они остались живы, потому что они сказали: «Привет от польских евреев», – с Польши. А кто передавал – это уже старшая сестра говорила. Вот. Вот такая история.

00:51:57 – 00:54:58

Q: А вот все жители вашей деревни оказались в этом первом лагере? Вы упоминали, что там многие национальности были. Всех-всех забрали в эту первую деревню, которая стала лагерем, или кто-то...?

A: Нет, знаете, ещё некоторые до этого – когда стали партизаны убивать, некоторые, конечно, уходили. Кто к своим родственникам дальше, кто в другую деревню – подальше от леса, подальше от войны. Ну, мы, например, тоже с сестрой вот средней – старше меня, я младшая – мы когда вот это собирать – всех людей собирали на площади немцы, чтоб мы шли урожай собирать – а что, как собирать? – колоски жать, не весь с соломой жали, а только колосочки, и грузили в мешки – и в машины, и немцы увозили. А один раз мы убежали. Там у нас такие канавы были большие, водоёмы, где лён мочили, чтобы отмокала эта вот... Потом они на лён – на куделю делали, чтоб прясть нитки. Мы залезли в эту воду, а вербы такие склонялись над этой водой – только головы наши вот так торчали там *[Показывает]* – прятались. Потом немцы проехали на машинах. Мы потом, через несколько времени, побежали домой – но не домой, а где-то в сарай, где-то в баню, куда-то мы прятались, чтобы не пойти на [уборку], иначе нас могли бы там – урожай собирали, а потом их расстреливали, или увозили с собой.

Q: Кого?

A: Ру... ну, этих, – не русских, а гражданских людей.

Q: Вы видели это?

A: Ну конечно. Ну, мы же, когда мы в воду запрятались – это в первый раз мы собирали колоски, а второй раз мы не стали, мы прятались в воду. За нами побежали, мы в воду, и они – машина проехала дальше, вот. А потом мы убежали. Ну, а второй раз мы видели, как этих людей всех, кто собирал урожай, и их погнали с собой туда, и всё. Мы же потом не знали, где и куда их собрали. А мы ещё вот что знали, что мы собирали грибы и ягоды, а надо ж то мыло, то спички. Мама отправляла нас продать на рынок. Вот мы шли пешком, где базарчик этот продавать. А там многие меняли вещи на продукты, вот. Ну и старшая сестра говорит: «Вот сказали, что там детей убивали». А которые на базаре там торговали бабушки, говорят: «Ой, это ж там евреев. Детей просто так вот за ногу – берут детей, бросают в яму. Засыпали, не засыпали...» А там ну все ж: «Пойдём смотреть!»

00:54:59 – 00:58:45

Ну, мы ягоды продали, сестра старшая: «Ну, пойдём». Побежали мы смотреть. Не знаю, где мы шли, на окраине какой-то там, вроде, глину выкапывали – ямы эти были большие тут рядом – это в Бобруйске. Туда – сказали, что туда положили всех евреев. Они шли, шли, и сказали им раздеться; вещи бросили на берегу, а сами их в яму постреляли.

Q: А кто это говорил?

A: А эти женщины, которые тут на базаре торговали. А мы говорим: «Мы пойдём смотреть». Да сестра ещё ругалась: «Не надо, надо домой идти уже». Мы бегом. А мы говорим: «У тёти Саши заночуем», – родственница дальняя; она живёт в Бобруйске. И мы тогда пошли, посмотрели, да. Так вот, просто страшно было – вот так вот колышется земля там [*Показывает*], вот, понимаете, «дышит». Это так живых людей. Там не только евреев, там кто им под руку попадался; облаву сделали и гнали. Но в основном, конечно, евреев гнали туда. Вот такая была – такая была история.

Q: А через сколько дней вы были после расстрела на этом месте?

A: [*Не поняла вопроса*] А потом я уже не была там.

Q: Нет, вот с женщинами на базаре вы говорили, они говорили когда это произошло всё?

A: А это произошло – а когда мы продавали? Это было где-то в [19]42 году, даже конец [19]41. [*Припоминает*] Это вот приехали когда они на телеге это отвезли, это было в [19]41, под Рогачёвом. Рогачёв слишком долго оборонялся – вот под Рогачёвом. Ну нам тогда как-то – мы ж не до этого доходили ещё, знаете, не особо спрашивали историю эту, как, и что, и когда. Это было да, в [19]42 году, вот да. В сорок – или конец [19]41 – осенью, видимо, грибы собирали [19]41 скорее всего. Тогда ещё немцы не так злобствовали по партизанам. Тогда ещё партизанское не особенно было. Вот...

Q: Вы сказали, что земля шевелилась, то есть...

A: Да. Земля вот – живых туда побросали, и земля шевелилась. Но люди говорили, что вот они подвозят машину – опять, подвозят – опять, и туда сбрасывали.

Q: А большое это место было?

A: Большое.

Q: Ну приблизительно в метрах, сколько?

A: Да а кто его знает? Мы тогда разве – в десять лет мерили? Это мы сейчам можем сравнение какое-то делать с тем, или с тем. А раньше... Для нас всё казалось большое. Кто его знает. Но это было бесчеловечно. А этот портной, который – вот он отцу нашему что-то шил – но потом его не стало, он куда-то уехал. Но его – не то, чтобы тогда – тогда ещё не так зверствовали они к нам. Вот он ушёл, не было его. Но с семьёй он ушёл; у него мальчик был и жена.

Q: То есть вы знаете о его судьбе, или не знаете?

A: Нет, не знаю я. Ну нас тогда увезли, а потом оттуда, а потом, когда после детдома, уже потом узнали, что брат мой нашёлся, и он в Иркутске, женился. И вот в Иркутск я уже поехала тогда.

00:58:46 – 01:02:22

Q: А вот в Ворониновичах люди умирали?

A: А вот там вот, в Ворониновичах, это был пустой, людей там не было. Пустые хаты, и нас туда только вот загоняли в пустые хаты. Нас уже туда свозили со всех деревень.

Q: Сколько вас там было?

A: Много. Ну, как-то много. Ну, мы по этой улице несколько хат, мы убирали солому сжигали, а там в других... Когда нас со всех возили – привезли на станцию, чтобы отправить в Германию, то это было много.

Q: Ну сколько?

A: Ну много. Вот стоял эшелон, и все вагоны были забиты. Значит, сколько – а в вагоне там места – а большие же вагоны, телячьи эти – а там места не было, чтобы лечь. Даже сидеть не всегда можно было. Это со всех деревень сгоняли, не только с лесных, и с таких деревень сгоняли. Там просто, кого сгоняли за нарушение режима, а кого сгоняли потому, что надо было отправлять, мобилизация была. А сначала объявляли – вот сейчас вот, когда я уже ездила позже, и наши узники рассказывали, что сначала объявляли, мобилизовывали, говорили, хвалили, что ехать надо на работу, хорошо – там хорошо. Ну, кто его знает, как.

Q: А в этих белорусских лагерях люди умирали?

A: Конечно, ещё как умирали!

Q: От чего?

A: А, ну всякие болезни: то простуда, то инфекция, видимо. Но в основном косил тиф, тиф в основном ну и дизентерия – детей в основном потому что они всё, что

попадало, всё ели, всё грызли. А что делалось в лагере в Майданеке! Травку любую, любую травочку собирали и ели, лишь бы поесть. А дома у нас, это, вот я сейчас иду, смотрю и дивлюсь – липа; вот берёза, она грубая, а липа – мы же липовые листья все ели. Они такие – как, жуёшь их, они скользкие, и ели, как щавель собирали на полях.

Q: Уже в Белоруссии?

A: В Белоруссии ещё, да.

Q: А вы видели мёртвых в лагере?

A: Ну, нам не особо показывали. Ну нас в лагере как: мы собираемся, например, ложиться спать. Всем отбой. Лежим. Уснули. Ну и что, просыпаемся – быстрее идите, становимся на плац. Приходим, вроде тут был человек, девочка, там, или кто. А куда она ушла – уже нет. Потом уже сказали, что она умерла. А как её отправили, куда её отправили? Ну, дежурные, которые постарше, они сказали, что убивали их и сжигали. А как сжигали? Потом мы уже знали, что, когда скажешь, что я больной, значит не говори «больной», потому что нам постарше говорили: «Не говори больной, иначе тебя отправят и сожгут». – «Как сожгут?» – «Ну, вот такие печки там, вот, и сжигают». Ну мы думали печка как у нас, в России печка, или в Белоруссии, что туда толкали и зап... А потом нам объясняли, что специально их травили, а потом они умерли, а их в печку. Это такие вагонетки, и туда отправляли и сжигали.

Q: Это вы сейчас про Белоруссию, или про Польшу уже говорите?

A: Про Польшу.

Q: Про Польшу.

A: Про Польшу. А в Белоруссии не сжигали.

01:02:22

Конец интервью.

Transcribed by: Julia Danilina

Date: 08/12/2011

The interview has no restrictions on it.